

Встреча была коротка

Цирилла Грей

Цири имела совершенно определенную цель, с которой пришла в сад камней сегодняшним днем. В одной руке у нее была папка с бумагой для рисования, в другой - набор графитовых карандашей. С дальнего уголка песчаного сада открывался великолепный вид на Храм. И вид этот был именно таким, который и нужен был Цирилле. Девушке хотелось порисовать. Вернее, нарисовать картину. А потом может быть послать ее сестренке. Или вставить в рамку и установить в своей комнате где-нибудь. Привыкшая к уюту и обилию вещей англичанка просто никак не могла свыкнуться с пустотой комнат. Тут все было по фен-шую -ничего лишнего. А девушка как раз привыкла ко всему лишнему. Чтобы вещи буквально бросались под ноги, и не было ни капли свободного места. Вот оно - снобизм и страсть к накопительству...

Сад был уже убран. То ли тут кто-то был сегодня, то ли тут кто-то был давно и просто с того момента сад оставался нетронутым. Цири показалось, что даже песчинки лежали одна к другой, словно подобранные чье-то заботливой и очень старательной рукой. Грей нравилось приходить сюда. просто приходить и садиться на самый край сада камней, что был огорожен невысокими каменными брусочками. Именно там, в углу, но уже за пределами садика, Цири садилась на траву и слушала. Тут всегда было тихо. В Монастыре вообще всегда было тихо. Тут не любили громких звуков понапрасну. Только пели соловьи, чирикали какие-то мелкие птички, шуршали листья на деревьях, шелестела трава. Здесь бытовала какая-то странная, наполненная звуками, тишина. Первые несколько секунд эта тишина неприятно давила на уши привыкшей к городскому шуму англичанке, но потом это неприятное ощущение уходило.

Сегодня Цири не стала изменять своей привычке и вновь уселась на край сада, вынула лист из папки, разложила возле себя карандаши. Выбрала один самый тонкий, кончик которого мог вполне сойти за иголку, и занесла карандаш над бумагой, словно целясь в невидимую мишень. Окинула задумчивым взглядом Храм с окружающими его деревьями и начала делать набросок.

Роберт Роксбери

На следующее утро после разговора с настоятелем, Роксбери обнаружил на пороге своей комнаты пакет из тонкой, как луковая шелуха бумага, который видимо, прислала Шэн Бо. В пакете были обещанные полоски тонкой бумаги и кисть с чернилами. Кисть явно делали умелые восточные мастера: ее не нужно было ни подрезать, ни сильно направлять, чтобы что-нибудь написать. Роберт тщательно изучил свой подарок, а потом, быстро одевшись, спрятал бумажный пакет в карман своего плаща.

Сон и отдых явно пошли ему на пользу. Да, лицо его теперь выглядело более свежим: глаза смотрели бодро, все черты лица немного смягчились, но щеки все равно проваливались, отчего он был немного похож на хищную птицу. Он уже не выглядел как старик, однако теперь вряд ли кто-то мог с уверенностью сказать, что

он – юн. Откинув назад длинные волосы, парень взял с собой циновник и вышел из комнаты. Вчера он присмотрел для себя отличное место для медитации, а вернее его посоветовала Шэн. Мастер всегда говорила, что перед началом любого дела необходимо сосредоточиться на поставленной задаче. Роксбери понимал, что до тигрицы, безупречной фехтовальщицы, ему еще далеко, но отправляться на первые занятия совсем неподготовленным не хотелось.

Когда граф пришел в сад камней, солнце только-только поднялось над горизонтом. Голубое небо было холодным и чистым, а в воздухе стоял запах душистой травы. Мужчина расчистил место возле центральной части сада, вытащил подарок Шэн и приготовился к медитации. Роберт аккуратно расстелил циновник и удобно устроился на нем. Граф, скрестив ноги, сидел на циновнике с закрытыми глазами. Капюшон его плаща был опущен на плечи. Вокруг стояла полная тишина. Роксбери открыл свою душу и слушал тот мир, что его окружает; он пытался услышать каждое существо в этом саду – от муравьев до червей, копающихся в почве земли. Он слушал, чтобы услышать то что поможет понять смысл их жизни, их сущность и возможно когда он перестанет слышать он узнает смысл своего пребывания здесь.

Цирилла Грей

Тонкие изящные линии, внезапно изгибающиеся, как змеи, и ломающиеся под прямым углом. Легкие начертания, похожие на отдельные штрихи решившего нарисовать цветочек ребенка. Овалы, окружности и прямые четкие линии, заканчивающиеся там, где начиналась импровизация. Неуверенные крохотные шажки карандашом. Графит пускается в дикий пляс, оставляя за собой замысловатое переплетение потерявшихся в пространстве и нашедших свое место на ее листе бумаги полос. Быстрый взгляд зеленых глаз на храм и его окружение, чтобы тотчас же погрузиться в рисование, оставляя только лишь робкое воспоминание, как о первой детской любви.

Изогнутая крыша дает начало стенам, чуть прикрытым пушистой кроной близстоящего старого дерева. Черные провалы окон, слегка освещенные ласковыми солнечными лучами. Безупречной желтизны песок перед храмом, каждая песчинка лежит отдельно и в тоже время вместе со всеми. Крупные валуны, и чуть помельче в кажущемся хаосе, но это только видимость. Космос, порядок, простота и истина. Где-то за храмом расположены корпуса - они жмутся к краю листа, пропадают за границей, теряются. А небо чистое-чистое, только видны в туманной сиреневатой дымке вершины гор. Скоро туман пропадет, а пока она поймает его, запечатлит на листе бумаги. Они, нарисованные, никогда уже не буду живыми, такими, как есть на самом деле, но она сможет дать им другую жизнь. Другую, бумажную.

Скрип песка под весом молодого мужчины, шелест расстилаемой циновки. Кажется, он ее не заметил. Цири, в руке которой замер карандаш, рассматривала мужчину. Что-то неуловимо знакомое. Очень знакомое. Но изменившееся. Девушка аккуратно встала, не выпуская из рук карандаша и папки с устроенным на нем бумажным листом. Прерывать медитацию - дурной тон. Но ждать, пока мужчина закончит ее - можно провести тут целый день. Осторожно ступая по песку, девушка пробралась к мужчине и опустилась на колени рядом с ним, вглядываясь в лицо. Боб...Это ты?

- Боб? - после долгого молчания неуверенно поинтересовалась англичанка хотя

сомнений не было - это он.

Роберт Роксбери

Медитация — проводник для тех, кто использует магию. Она дает возможность здесь, в мире живых заглянуть за невидимые границы себя и окружающей среды. Управлять магией, контролируя ее с помощью медиации, и значит быть магом. Когда человек учится этому, его смело можно назвать «магом». Впрочем, «маг» — всего лишь слово. К чему бояться слов?

Роксбери дышал медленно и глубоко. Понемногу окунаясь в пустоту. Чтобы было легче, он старался сосредоточиться на чем-то определенном. В голове тотчас замельтешил рой бессвязных мыслей. Он попробовал придумать какое-нибудь слово или фантазию, чтобы отрешиться от них, но через некоторое время он решил отказаться от слов и перейти к мысленным изображениям. Стараясь дышать размеренно, Роберт попробовал путем тщательных и спокойных размышлений выбрать подходящий предмет. Отбросив несколько вариантов, он, наконец, остановился на своем...

И вдруг он почувствовал, что кто-то пытается проникнуть в его мысли, возможно, не осознано, но совсем некстати. Ни секунды не задумываясь, он прервал медитацию и установил мысленный барьер, полностью сосредоточившись на собственных руках, которые мирно лежали на коленях. Возле него послышался голос, который звучал словно из немыслимого далека, но он был знаком мужчине. Все не давние ощущения вернулись, вихрем ворвавшись в тело графа, и он снова почувствовал себя живым. Живым и совершенно ошеломленным. Кем бы ни была незнакомка перед ним, она узнал его, а раскрыть свою персону Роксбери не мог.

- Боб? — удивленно повторил граф, а потом открыл глаза. — Думаю, что Вы меня с кем-то спутали.

Мало кто знал о его слепоте, поэтому он полагал, что его серебристые зрачки испугают неожиданную собеседницу, и она точно убедится, что перед ней не Боб Эванс, а Роберт Роксбери.

Цирилла Грей

О, как предусмотрительно мужчина закрылся ментальным щитом. У Цири не было желания лезть в его мысли, но теперь, когда сознание оказалось закрыто, сработала чисто женская логика - кошке, может, и не надо в комнату, да вот ее туда не пускают. А Цири являлась как женщиной, так и кошкой. И естественно, ей сразу страсть как захотелось узнать, что такое Боб может прятать от нее. А больше всего ранило то, что он не узнал ее или сделал вид, что не узнал. Или не захотел. Может быть, внешне он и довольно изменился, но остались те самые милые сердцу черты его лица. Форма губ, линия подбородка, изгиб бровей. И длинные волосы. Не говоря уж о том самом парфюме, от которого молодой валлиец так и не смог отказаться. Менталитики, если они еще и маги Воды, редко забывают. Тем более редко забывают того, кто был им дорог.

Мужчина открыл глаза, и Цири невольно обратила внимание на изменившиеся глаза. Раньше они были ярко-синими. Теперь - серебристыми. Много ли в мире способов, чтобы поменять цвет глаз уже взрослому человеку? Полагаю, что не очень. Но даже их изменившийся цвет не переубедил англичанку в том, что перед

ней именно Боб, которого она ранее так хорошо знала. А то, что причиной такого цвета стала банальная слепота, Грей даже и не поняла сразу-то. Да и не подумала о таком варианте.

- Прошло не так много времени, чтобы я смогла малодушно забыть лучшего друга. Ты изменился, но не настолько чтобы стать другим человеком. Пожалуйста, не нужно...Ты ведь все равно останешься Робертом Майклом Евансом для меня.

Странно было говорить такую...странную правду. Почему он не признает своего имени? Что могло такое произойти в его жизни? Или он скрывается? Скорее всего. И сможет ли он ее узнать? Но должен, раз взглянул...Вариантов - море. Ответов - ноль. Не узнает. Не захочет. Не сможет. И что-то еще?

Роберт Роксбери

Роксбери странно улыбнулся, но затем выпрямился и повернул голову туда, где как он думал, была девушка, чтобы их глаза встретились. В то же мгновение улыбка исчезла с его лица, черты его исказились. Отдернув правую руку от колена, он нащупал бумажный пакет и ореховый посох. Сохраняя полную невозмутимость, граф поднялся.

— Я совершенно не знаю, кто Вы, — твердо и спокойно сказал он. На самом деле мужчина узнал незнакомку перед собой хоть и не видел ее. Она была другом. Другом, спасшим его от многих бед. Другом, спасшим его от одиночества. Другом, который не заслуживал такого обращения, но даже ей он не мог открыть правду. Он помнил, каким образом они стали друзьями. Тогда Боб был совсем неопытен в дружбе, зато очень опытный как маг и как вельможа. Всю свою жизнь он наблюдал реакцию людей, которые всегда видели в нем лишь его статус. Перед тем как порвать с прежней жизнью Роберт решил, что ничего не будет объяснять друзьям. Он не хотел терять их дружбу, но для них было лучше не быть частью его жизни, которая была полна потерь и разочарований. Возможно, он просил слишком много? Неужели его друзья не заслужили на его доверие? Но, граф считал, что он не имеет права на простую человеческую радость - иметь друзей, по крайней мере, сейчас. Он не мог рассказать ей, кто он такой на самом деле и почему он здесь.

— Я слеп от рождения, — вдруг его голос понизился до свистящего шепота и таил смертельную угрозу. — И советую Вам больше не прерывать чужое спокойствие, потому что каждый человек имеет право на уединение. Думаю, Вы умная женщина и, несомненно, поймете, что не стоит досажать физически ограниченным людям. Надеюсь, Вы понимаете?

Выражение угрозы сошло с лица графа и сменилось обычным спокойствием.

Цирилла Грей

Боб никогда не позволял себе резких или грубых слов в ее адрес. Они всегда относились друг у другу с какой-то трепетностью, достойной лучших друзей. Цири всегда проводила резкую черту между лучшим другом и возлюбленным. Так у нее было заведено. И подчас она относилась к другу намного лучше и бережнее, чем к тому, кому выпала честь быть ее избранником. Друзья - одни на всю жизнь, а парней будет еще море. И когда Еванс внезапно исчез, не предупредив никого, она не знала, куда деваться от волнения. Так просто люди не исчезают, разрывая все связи

с миром. Так просто ничего не бывает. Вообще. И она уже даже думала самое страшное. И уже даже смирилась. И вот теперь она встречается его тут, после долгих месяцев неведения. Как прикажете реагировать? И он...не узнает.

Горькая обида захлестнула девушку с ног до головы. Друзья так не поступают. Девушка гордо вздернула подбородок. Возможно, со стороны это выглядело как проявление гордыни. Но на самом-то деле все было гораздо банальнее - слезы. Такие двучинные женские слезы. Единственное оружие, против которого не устоит ни один нормальный мужчина. И если часто к ним прибегают, когда женщинам нужно что-то определенное, иногда они все же бывают искренними. Не в силах сдерживать. Слезинка, скользя по щеке, упала на светлый песок, разбившись на тысячи хрустальных осколков.

- Да, наверное я ошиблась... - тихо произнесла она, поднимаясь. - Я спутала с одним моим хорошим другом. Он всегда был таким сильным - он бы не позволил каким-то жизненным обстоятельствам сломать его и забыть старых друзей. Прошу меня простить, я не хотела вас обидеть и...может быть, мы сможем начать все сначала?

Чтож...Если не так, то по-другому. Если она не будет настаивать - а Цири вообще не любила навязываться - то все можно будет исправить. Пусть он называется как хочет. Хоть Буддой, хотя это святотатство, но он вряд ли уже убедит ее в том, что он - другой человек. Грей, не смея больше нарушать чужой покой, развернулась и пошла на свое старое место, где остались карандаши.

Роберт Роксбери

Граф, кажется, отлично понимал Цириллу. Он помнил, что испытал сам, когда его лучший друг Ли сказал, что он должен забыть всех кого знал. Никто не вправе управлять чувствами других. Либо ты что-то чувствуешь, либо нет. Хотя Роксбери этого тогда не понимал, но сейчас он считал, что поступает правильно. А ведь быть друзьями не значит быть похожими друг на друга. Он знал, что никто не сможет этого принять, но сказать о своем выборе он никому не мог. Сейчас он оказался в затруднительном положении. Он понимал – что бы ни связывало его с Грей, в то, что происходит в эту минуту между ними, он не имеет права вмешиваться в ее настоящую жизнь. Это – прошлое, и он понимал: многое из этого прошлого – во всяком случае, то, что касается его отношений с Цири, должно остаться в прошлом. Опасаясь сказать еще что-нибудь не то, Роберт просто молчал, слушая слова подруги. Его судьба - в руках Цириллы и она уже рассекретила его личность, но что ее хуже, его судьба, кажется, снова против него. Опять убежать, скрыться от всех и снова прятаться? Нет, такая жизнь не для него. Наверное, ему надо перестать считать себя жертвой.

Цири скорее всего ожидала, что он бросит виноватый взгляд в ее сторону, но граф никак не отреагировал на ее слезы. Уйти сейчас было бы самым рациональным решением, но не самым верным. Поэтому Роберт снова разложил свои вещи возле циновника и опять уселся на нем, скрестив ноги.

- Все в порядке, но по-моему мы еще не начинали— усмехнулся Роберт. – Мне очень жаль, что я не тот за кого Вы меня приняли. Но я думаю, что быть другом означает принимать человека таким, какой он есть, со всеми его достоинствами и

недостатками. Вовсе не обязательно понимать все его поступки, поступать так же, как он, и пытаться прожить за него жизнь. Если друг Вам действительно дорог, Вы не станете пробовать его изменить. Потому что Вы любите его за то, что он именно такой. Наверное, Ваш друг, надеялся на Ваше понимание.

Роберт уже не мог спокойно поразмышлять о своей жизни и о грядущих изменениях. Медитация не удалась. Вдруг голод дал о себе знать: в животе забурчало. А может, это не от голода, а от страха? Да что с ним творится? Мужчина поднялся и начал собирать свои вещи. Когда все его добро уже было в карманах плаща, валлиец начал сворачивать циновник.

Цирилла Грей

Прожить за него жизнь?! Да что, что он такое говорит? Слезы обиды, что еще не успели высохнуть на бледном личике англичанки, в один миг из невинных превратились яростные и злые, холодные, как лед и лживые, как слова "все отлично". Воспоминания беспринципно и неаккуратно взрезали память острыми гранями, прорвались наружу, всплыли, совершенно не собираясь прятаться внутри и ждать своего часа.

Прожить за него жизнь! Цири возмущенная, остановилась на месте - песок скрипнул под ее ногами. Рука сильно сжала карандаш, так, что побелели костяшки пальцев. Но тонкая деревяшка со скрытым внутри графитом предательски хрустнула, впиваясь занозами в нежную кожу девичьей ладони. Надеется на понимание! Цири уже почти тряслась от распиравшей ее злости. Надеется на понимание! Да он может надеется хоть на то, что станет святым и научится летать, чем она поймет мотивы его поступков. Внезапно, ни с того ни с сего прервать все контакты и связи, исчезнуть, раствориться в мире, потеряться, уйти на дно и умереть для тех, кому он был дорог! А потом внезапно воскреснуть на Тибете, в Богом забытом месте, при этом называться чужим именем и делать из нее дуру, убеждая, что он - это вовсе и не он, а совсем другой человек?! Боб Еванс всегда был способен на многое. Но он никогда не был способен на такую откровенную и наглую ложь.

- Может и надеялся, я не знаю. Но знаете, что хочу сказать - я считаю, что, раз он думал, что друзей так просто забыть, то он ошибался. Жестоко ошибался. Я действительно любила его. И действительно не пыталась изменить. Никогда. И принимала таким, какой он есть. А он просто... исчез из моей жизни, ничего не объяснив. Сбежал, как трус, спрятался, не найдя слов, или, может не захотел их найти. А сдаваться было не в его правилах. Он всегда шел до конца, - каждое слово, что срывалось с губ англичанки, сочилось холодным ядом. Она жаждала вывести мужчину из себя. Чтобы он сорвал эту маску отчужденности, раскрыл себя, показал козыри. - Надеюсь, теперь он хотя бы испытывает муки совести.

Договорив, будто выплюнув резкие слова, Цири, остервенело вырвав из ладони занозы, бросила карандаш на песок и, зажимая кровь в кулак, вновь пошла к своему месту, сказав все, что хотела сказать. Беги-беги, Боб Еванс. Умри навсегда, может, так оно и лучше для всех. Больнее для нее.

Роберт Роксбери

Роберт испугался. Он в жизни не слышал ничего подобного от Цириллы. Взъерошив

волосы, мужчина попытался собраться с мыслями, но тщетно. В голове замелькали смутные, обрывочные воспоминания. Он понял, что должен задать один вопрос, и в то же время боялся ответа. Он твердо, надеясь, что не выйдет из себя, спросил:

- Мисс, а откуда Вы знаете, что с ним случилось? В мире нет всесильных людей, и Вы делаете своему другу медвежью услугу очерняя его перед незнакомым человеком, - Роберт говорил подчеркнуто вежливо стараясь сохранять спокойный тон.

Роберт покрылся холодной испариной, мороз пробежал по коже, волосы встали дыбом. Потом в нем начал медленно нарастать гнев, заворочались подозрения. Она специально этого наговорила просто из-за того что не понимает, но Роксбери не собирался ничего объяснять по крайней мере сейчас. Никто не вправе называть его трусом. Никто. Никто не смог бы пережить тот ад, который пережил он, и никто не имеет права упрекать его в выборе который он сделал, а сделал он его, потому что боялся за своих близких и друзей. Теперь даже он сам это понял.

Граф свернул свой цилиндр и решил, что лучше покинуть это место пока он полностью не сорвался и окончательно не раскрыл себя.

- До свиданья, - произнес Роберт и, обернувшись к Цирилле спиной, добавил: – Вы хорошая подруга и хороший человек, наверное, Ваши родители могли бы гордиться Вами.

И вот он прокол. Роберт только через мгновение осознал, что сказал то, что мог знать исключительно друг Цириллы. Слепой мужчина остановился, теперь было бесполезно поддерживать весь этот фарс, но все-таки был крохотный шанс, что Грей не придаст этому значения.

Цирилла Грей

- Да не знала я! - чуть ли не заорала Цири, в который раз останавливаясь на месте и разворачиваясь. Ей почему то сильно захотелось назвать Боба тупицей. Ее не обижал то факт, что он ничего не рассказал о своей жизни, а просто сам тот факт, что он исчез! Ну вот что тут непонятного? Да, то, что произошло с ним - его личное дело, но не мог же он просто так вот взять и пропасть на целые годы! А она то всегда считала, что друзья на то и существуют, чтобы вместе с ними было легче переносить все тяжести и невзгоды. И целая банка рыбьего жира кажется не такой уж и страшной, если вдвоем ее атаковать.

Она действительно не врала, что ничего не знала. Может, совсем немножко приукрасила события, но Грей была женщиной, блондинкой и истинным магом воды, поэтому для нее это казалось чем-то естественным, как то, что ее имя начинается с "Ц".

Грей уже даже почти смирилась с тем, что сейчас этот самозванец уйдет, оставив ее тут, вот на этом самом месте, с кровоточащей рукой, одну, такую слабую и беззащитную, которую каждый может обидеть. И тут судьба подарила Цири целый кусок удачи. Просто настоящий кусище. На лице расплылась улыбка в духе самых отъявленных злодеев по типу Гринча, похитителя рождества, которая сделала бы честь любой зубной пасте. Внутри все клокотало, как в хорошем вулкане. Подлец! Мерзавец! Хоть бы врал увереннее! Негодяй! Мог бы хотя бы обойти эту тему!

Напоминание о родителях вывело англичанку из себя. Из всех обитателей монастыря об этом факте знала только она, Шири и, теперь этот мужчина, который на самом деле был Бобом Евансом.

- И ты еще издеваешься над этим! - фальцетом сорвался голос, из глаз брызнули слезы, и, кажется, впервые за все свое сознательное владение превращениями, Цири потеряла контроль над кошкой. Зрачки нитевидно вытянулись, а от запаха собственной крови внутри заворочалось огромное, гораздо больше беленькой кошечки, кровожадное существо. Цири говорила, пока у нее еще была возможность говорить, хотя теперь к звукам ее голоса прибавились шипящие и рычащие нотки, - Мои ррродители горррдились мной, пока не умерррри! И ты прррекрррасссно об этом знае...

Цири не договорила - изменившаяся гортань не располагала к общению. Наполовину уже сознанием в кошке, Цири закашлялась и неосознанно опустилась на четвереньки...

Цирилла Грей

...по спине пробежалась волна, от самого основания хвоста до самого затылка, а потом мурашки разбежались в стороны, приводя тело англичанки в мелкую дрожь. Впервые в теле человека ей было неуютно и не комфортно, как будто ее по ошибке засунули в неподходящее тело, вырвав из своего, родного, кошачьего, такого уютно-теплого, приятно-белого, забавно-пушистого.

Одна лапа, совсем как рука, кровоточила, орошая песок алыми каплями. Впитываясь в жадное до жидкости песочное покрытие, она становилась багровой, неприятной на цвет, слишком похожей на застарелые капли, какие бывают на местах преступления. Рядом лежал упавший планшет, кровь заляпала белоснежный листок бумаги, испачкав целый угол.

Белая спины выгнулась дугой, а маленькая зубастая пасть угрожающе открылась. Ощерившись, Цири зашипела, и вновь закашлялась, подавившись собственными не произнесенными словами. А она то надеялась устроить целый разнос. Вздыбившись, как жаба, Цири боком, издавая недвусмысленное хриплое то ли карканье, то ли кашляние, прихрамывая на правую сторону, двинулась к мужчине, намереваясь порвать тому его наглое лживое лицо. Будь это ее добровольное превращение, она бы никогда не поступила подобным образом. Сейчас же ярость и злость затмили человеческий разум, а мстительная кошка требовала кровавой жатвы. Защитить свое, прогнать чужака. Это - ее владения, и каждый, кто посягнет на ее безопасность, должен быть наказан.

Роберт Роксбери

Роберт почувствовал, как напряжена Цирилла, и понял, что он зашел слишком далеко со своим ответом. Поэтому он замолчал, выжидая, пока она успокоится и вновь почувствует себя в безопасности. Не оборачиваясь, Роберт тотчас ощутил, как в жилы его подруги обжигающим потоком хлынул гнев, заслонивший собой все, включая обиду и боль. Теперь слова были бесполезны.

Младший мастер почувствовал сзади себя какое-то движение и стремительно

обернулся. Мысли его подруги изменились они стали более походить на первородные инстинкты. В тоже мгновение граф услышал, а потом понял, что перед ним теперь стоит далеко не спокойная светловолосая девушка. Граф отступил.

Маг быстро ощупал сквозь грубую ткань плаща бумажный сверток, уютно угнездившийся во внутреннем кармане, и слушал, как к нему быстро приближается кошка. Роберт слабо ощущал ее мысли, но знал, что магией ее лучше не останавливать, подумал волшебник, — во всяком случае, непосредственно. Но, может, косвенно? Ведь треснуть посохом подругу по голове тоже не выход.

— Проклятие, — пробормотал Роксбери. — Как все непросто.

Он продолжал отступать. Он не знал, последует ли за ним Цири. Роберт давно понимал, что те, кто медленно перемещается, это те же самые, что бегут или стоят неподвижно. Видимо для Цири это было пока незнакомо. Он должен что-нибудь придумать до того, как белая кошка поймет это и еще что-нибудь. Если бы... все, что мог придумать Роксбери, - это доверится своим инстинктам и реакциям своего второго «Я», которые за счет отсутствия зрения усилились в несколько раз.

Цирилла Грей

Убить. Разорвать. Несмотря на свои размеры, Цири чувствовала себя гораздо крупнее, опасней и агрессивнее, чем было на самом деле. Вела себя неразумно, но так ведет себя каждая кошка, какая хоть раз встречала чужака на территории. Может, Роберт и не был чужаком тут, но Цири-кошке были неведомы свои мотивы, по которым она пыталась наказать этого человека. Она слишком поддалась ярости, и это грозило ей только тем, что на может наделась необдуманных поступков, о которых потом придется долго жалеть. Но это потом - а сейчас...Сейчас поддаться сладкому, вскрывающему вены чувству злости...

Ее не боялись. Во всяком случае не боялись так, как должны были. Опасались, да. Но не боялись. Кошачьи инстинкты затмили разум напрочь, Цири уже не чувствовала себя человеком. Ей было гораздо удобнее быть животным. маленьким, хищным и иногда очень опасным.

И сейчас кошачьи инстинкты вели ее вперед, заставили замолчать, потому что хрипящее горло саднило и драло, и хотелось пить. Припадая на одну лапу, но стараясь идти тихо, неслышно, не скрипеть песком, кошка угрожающе быстро приближалась к медленно бредущему мужчине. Для нее было не было разницы в том, что он сейчас сделает - останься в ней хоть половина человеческого она бы задумалась о последствиях. Но не когда человеческое сознание теплится где-то с краю, пока что только мешая и досаждая.

Она слышала, как стучит его сердце. Путь добыча была ей не по зубам - но но билось так восхитительно. Так мерно, то ускоряясь, то замедляясь, наводило какой-то упоительный морок. Приблизившись для эффектного броска, кошка замерла на месте, готовясь нанести удар первой. Он ее не слышит. Она слишком горда и самовлюбленна, чтобы позволить сорвать охоту. Тело сжалось, как пружина, резко бросилось вперед, вытянувшись в упругую линию. Под лапами скрипнул песок - а она целилась ему в лицо когтями.

Роберт Роксбери

Едва он успел достать полоску бумаги и карандаш, как за клубился песок, и белоснежная кошка пригнула на него, выпустив острые когти для атаки. Нужно было остановить прыжок, но как? Нечто похожее иногда происходило с его клинком — рука как будто застывала и не давала нанести удар. Не зная, как он это сделал. Ему в голову просто пришла такая мысль, а в следующее мгновение он просто поймал кошку в воздухе правой рукой и тут же притиснул ее к земле, не позволяя подняться. Кошка дико взвыла. Интересно, от боли или от ярости, подумал Роберт. Справа, на востоке, небо уже начинало светлеть. Прижатая к земле, кошка не могла ничего увидеть, но по тому, как она отчаянно боролась, раздирая своими когтями до крови руку графа можно было сказать, что это ее не волновало.

Валлиец не обращал внимания на свою руку; он напряженно искал карандаш, который выронил. Сухой песок мягко шуршал под его левой рукой. Узкие облака на востоке стремились закрыть собой показавшееся солнце. Отыскав свой карандаш, Роберт быстро начеркал на полоске бумаги заклинание усыпления *睡魔*. Коснувшись рукой иероглифов, мужчина шепотом прочитал написанное. Кожу начало греть приятное тепло. Он глубоко вздохнул:

- Демон сна, - прошептал граф, прилепив лист с офуда кошке на лоб. — Забери ее в мир грез и притупи ее чувства.

Роберт отпустил кошку почти все его силы ушли на то, чтобы наделить заклинание силой. Оставив все попытки облегчить боль в руке, на которой практически не осталось целого места, Роберт безвольно опустился на землю.

Цирилл Грей

Отчаянно, озлобленно, с диким остервенением кошка утробно, страшно взвыла, понимая, что ей не добраться острыми, как иглы, когтями до лица противника. Однако уже в следующее мгновение она нашла гораздо лучшее применение собственным челюстям, попросту впившись клыками в его руку, сомкнув челюсти намертво, кажется, прошив кожу в одном месте насквозь, судя по звуку, с которым клацнули зубы. Или ей это просто показалось. Передние лапы обхватили руку, как родную, а задние - рвали незащищенное запястье, драли кожу на мелкие полоски, вспарывая, вскрывая. Горячая чужая кровь попала ей на лапы, обильно потекла на белый живот, пачкая идеально белоснежную, как молоко, шерстку.

Она ничего не видела, но ей и не требовалось. Самозабвенно орудуя когтями, она лишь почувствовала, что на лоб прилепили что-то, неприятное, мешающее, отвлекающее. Противное чувство какой-то склеенности, ограниченности, или просто неизвестности - но оно отвлекало. А потом...потом медленно, и в тоже время очень быстро, как липкое чувство страха, напала...усталость? Или...может отрешенность? Кошка не могла понять - она просто чувствовала. Чувствовала, как желание рвать и метать, убивать, грызть, куда-то испаряется, как легкий туман теплым утром, как конечности сводит от усталости и тяжести. На глаза напала мягкая ласковая пелена, накрыла с головой. Цири разжала лапы, обмякла, как безвольная, не двигаясь, замерла на одном месте.

Заснула? Жаль, что кошки не видят снов. Сейчас это был тот сон, который

совершенно не свойственен маленьким хищникам - крепкий, какой-то даже чересчур человеческий. Обычно Цири в облике кошки только дремала - точно также, как это делают и другие ее пушистые соотечественники - так остается возможность не только отдохнуть, но и остаться в курсе всех событий. И так она не теряла контроля над вторым Я.

Тело начало меняться. Без ведома самой Цири. Тело только выгнуло тугой дугой, да пробежала дрожь от кончика хвоста до кончиков ушей, а уже началось превращение обратно в человека...

Роберт Роксбери

Заклинание Роберта подействовало, и взбесившаяся кошка уснула крепким сном. Отчасти Роксбери был рад этому, а отчасти знал, что не может сейчас уйти и снова убежать как сделал это много лет тому назад. К тому же он не мог оставить спящую Цириллу прямо на земле, но и будить ее пока не собирался. Мужчина положил свою руку подруге на голову и нежно провел по ее волосам. Он знал, что ей нужно все объяснить, но они говорили достаточно и время слов прошло. Валлиец мысленно потянулся к сознанию подруги и заговорил:

- Я знаю, что ты можешь слышать меня, и поэтому я расскажу тебе все, но решать хранить ли мои тайны будешь только ты. Я покажу тебе, что со мной случилось и если ты не веришь мне, то поверь в свои ощущения. Поверь себе.

Обрывки мыслей, странных обрывочных воспоминаний и расплывчатых картин сменялись одна за другой и передавались в сознание Грей. Последней из картинок был образ молодой женщины с каштановыми вьющимися волосами и с такими же синими глазами, которые раньше были у самого Боба.

- Пока я оставался с теми, кого любил я был опасен для них. Я был угрозой для них и для тех, кто был со мной рядом. Я был готов умереть сам, но умереть другим я позволить не мог. Возможно, мой выбор невозможно понять, но тогда мне казалось это правильным.

Последняя картинка счастливой семейной пары и их дочери скользнула в память Цириллы, и мгновенно разрушилась взрывом, от которого не осталось ничего.

- Ты хотела узнать почему? Это потому что я боялся... Даже я наконец-то сам себе в этом признался.

Роберт убрал руку и отлепил с лица подруги лист с офуда, а потом поднялся и не торопясь пошел прочь. Цирилле понадобится еще несколько секунд чтобы проснуться, но какие выводы она сделает от увиденного Роксбери не знал.

Цирилла Грей

Цирилле снилось, как она превращается из животного обратно в человека. Но это было особенно болезненное превращение - не такое, как обычно. Всегда ласковая щекотка вдоль позвоночника на этот раз сменилось неприятным покалыванием, внутренности словно раздирало на части, заставляя тело ломаться под немыслимыми углами. Каждая мышца была напряжена до предела, а кости...кости,

казалось, сейчас не выдержат перемены и просто сломаются, раскрошатся в пыль. Но наряду с болью было что-то еще. Словно кто-то чужой сидел там, наверху, дергал за ниточки и подсовывал ей чужие воспоминания. Вихрем неслись картины, как старые, пожелтевшие от времени и перенесенных невзгод, но тщательно хранимые фотографии. Образы сменялись один другим, накладывались, исчезали, рвались, заменяли друг друга, рассыпались в прах, уходили, вновь приходили. Чужие. Не ее.

Девушке казалось, что они окружают ее безумным хороводом, загоняют в угол, зажимают в тиски, берут в захват, скачут вокруг, пожелтевшие, черно-белые, цветные, ненормально-чужие, но такие естественные. Боль от превращения раскалывала ей виски, а когда она наконец смогла разорвать круг образов, что сжимался все плотнее и плотнее, и проснулась, громко вдохнув воздух, как после удушья, оказалось, что ей все это только приснилось. И болезненное превращение, которое на самом деле было тихим и спокойным, и чужие образы и образ молодого темноволосого графа....нет, не приснился. Вот он, молодой темноволосый граф уходит по песку прочь, не оглядываясь. Чужое. Все чужое. Все ненастоящее, прилипчивое, как тень сна, навязчивое, неприятное, навязанное кем-то.

Кирилл вспомнил все, о чем они разговаривали до того момента, как она взбесилась. Потом - потом была пустота. Память отказывалась рассказывать ей, что произошло. Англичанка не решилась позвать Боба обратно, пытаясь отгородить себя от постоянно всплывающих образов, вереницей снующих в сознании. Непонятные, размытые и полузабытые. Болью отозвалась ладонь, на которую девушка облокотилась, когда поднималась на ноги. Туман в голове не рассеивался, и Грей позволила мужчине уйти прочь, чтобы поскорее забыть все, что случилось. Ей не хотелось об этом помнить, и чтобы перебить навязчивое состояние, она подобрала свои вещи, собираясь забиться куда-нибудь в темный угол.
